

БРАТ БРАТОМ СИЛЕН-БРАТ БРАТОМ СИЛЕН-БРАТ ЭСТАМ МОЦНИ • БИРОДАР БИРОДАР БИРГА КУЧЛАДИР • АГА ИНИСИМЕН КУШТИ • ДЭМ ДЭПӨС БЭК ДЭПӨС • ГАРДАШ ГАРДАШЫНАА КУЧЛУСЭН • VEND ON TUGEV VEMNA KALOC.

Азербайджанская Советская Социалистическая Республика, Али-Байрамлинское управление буровых работ объединения „Азнефть“, Герою Социалистического Труда, буровому мастеру Акипу Аманову

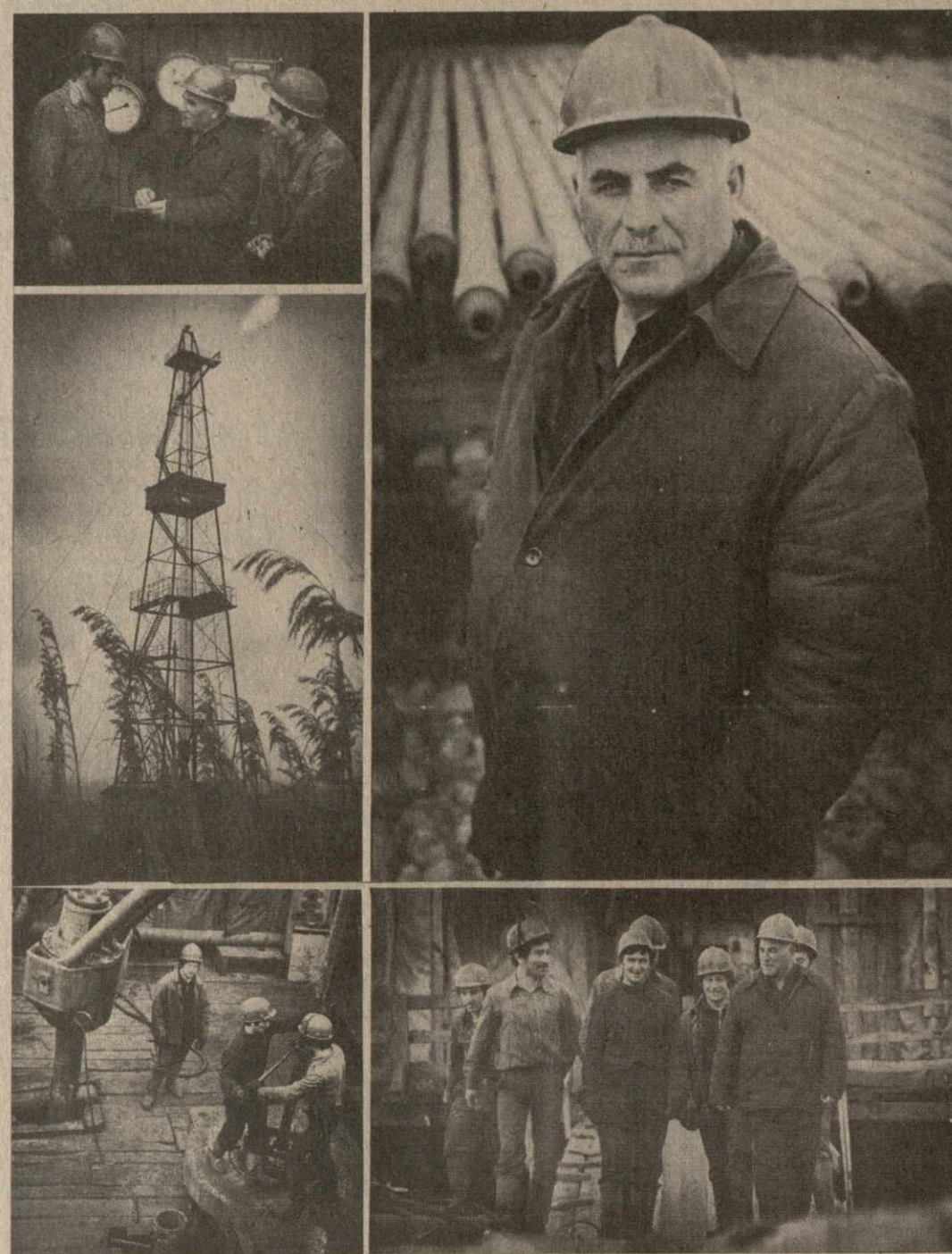
ЗДРАВСТВУЙ, дорогой друг, дорогой мой Акип! Давно собирался написать тебе, ведь со дня нашей встречи на XXVI съезде КПСС прошло уже более двух месяцев, но ведь знаешь сам, какова наша работа — дни и ночи на буровой. Но сейчас не могу не написать и не поздравить с 61-й годовщиной установления Советской власти в Азербайджане. Ты достойно встретил этот праздник: ведь твоя бригада, работающая уже в счет двенадцатой пятилетки, за два месяца выполнила четырехмесячный план! Это большой успех нефтяников Ширвана, и я от имени своих товарищей — всей моей бригады Восточно-Грузинского управления разведочного бурения производственного объединения «Грузнефть» поздравляю тебя. Рад твоему успеху и, честно говоря, уверен был, что так и будет.

В дни работы форума коммунистов, когда ты, будучи делегатом съезда, представлял в Москве вместе с другими делегатами родной Азербайджан, твоя бригада сдала эксплуатационникам две скважины и заложила новую на площади Кюровад. Я помню, ты говорил об этом. Это было хорошим рабочим рапортом съезду и надежной гарантией высоких достижений в будущем. Естественно, что, когда ты вернулся в бригаду, поделился своими впечатлениями от съезда, это послужило новым могучим стимулом трудового энтузиазма. Подтверждением тому стал ваш трудовой почин, инициатива, с которой вы обратились ко всем нефтяникам — делом отвечаем на решения XXVI съезда КПСС, задания 1981 года выполнить ко Дню Конституции СССР. И я верю, что слово свое вы, мои дорогие друзья и коллеги, обязательно сдержите.

ДА, НЕИЗГЛАДИМОЕ впечатление произвел на всех нас XXVI съезд партии. Наверное, всем знакомо понятие высоты. Сложен и труден путь к ее вершине, но зато как далеко видно отсюда. Такие дали открываются, что захватывает дух! Для меня такой вершиной на всю жизнь останутся дни участия в работе XXVI съезда. В огромный Кремлевский Дворец съехались тысячи делегатов со всех концов страны, они принесли с собой ритм строев, просторы полей, рабочий шум заводов и фабрик. Такое было ощущение, словно здесь, в Москве, собралась вся страна. А поминишь, с каким затаенным дыханием слушали мы ясный, четкий и глубокий доклад Леонида Ильича Брежнева. Не было такой стороны нашей многогранной жизни, которая не получила бы в нем достойного отражения, и как радовалось сердце, когда работе наших республик — Грузии и Азербайджана была дана высокая оценка. Ведь и мой и твой труд, как маленькие ручейки в реку, вливались в могучую трудовую поступь двух республик, досрочно вы-

На снимках: (слева) буровой мастер Парнаоз Чркишвили (в центре) с буровицами Шукри Партадзе и Отаром Бежташвили; высоко в небо устремилась буровая вышка; напряженные будни; (справа) — делегат XXVI съезда КПСС буровой мастер Восточно-Грузинского управления разведочного бурения производственного объединения «Грузнефть» Парнаоз Чркишвили; бригада заступает на вахту.

Фото Р. Рухкина.

НАША ВЫСОТА

полнивших задания десятой пятилетки, взявших успешный старт в новом, одиннадцатом пятилетии.

Анализируя все, что было сказано на съезде, с новой силой осознаешь, что партия ответственна за все, что коммунисты причастны ко всему. Именно эта причастность рождает высокую ответственность за то, как работают заводы, как воспитываются дети, урожайны ли наши поля, чисты ли реки, каков уровень сервиса и как будут развиваться энергетика и наша нефтедобывающая промышленность.

Во время одной из наших встреч на съезде ты, Акип, подчеркнул, что увеличение топливно-энергетических ресурсов страны требует от нефтяников еще большей отдачи в работе. Вернувшись домой, я часто вспоминал эти слова, подолгу беседовал с ребятами из своей бригады, и мы решили взять новые, повышенные обязательства, внести максимальный вклад в дело претворения в жизнь решений съезда, экономить каждый рабочий час, каждую минуту, чтобы выполнить все намеченное.

Кстати, о часах. Я часто вспоминаю нашу встречу у министра нефтяной промышленности СССР Николая Алексеевича Мальцева, на которой присутствовали все делегаты-нефтяники, и каждому участнику на память об этом событии были подарены часы с дарственной надписью. Как посмотрию на эти часы, сразу же вспоминаю и тебя, получившего такой же подарок. По этим часам, а точнее, по часам Московского Кремля сверяем мы с тобой свое время, наш сегодняшний день, наполненный трудо-

выми свершениями, большим, значительным смыслом, временем нашей советской действительности.

Часы отсчитали 60 лет и моей родной Советской Грузии, и я счастлив, что сегодня могу пригласить тебя на торжественный праздник, посвященный этому событию, показать родной город, наши буровые вышки, повести в родное село Норно, рассказать об успехах моей республики — равной среди равных.

Ты знаешь, Акип, я человек простой, говорить красиво не умею, у меня профессия другая — бурить скважины, но главное, что я хочу сказать, будет, конечно, понятно и без всякого красивого оформления — только дружбой, только взаимной вышкой, только интернационализмом сильны мы все, и богаты, и могучи. Это наша главная ценность. Вот взять хотя бы конкретно мою рабочую бригаду. Мы, нефтяники Грузии, — а я отдал этому делу без малого сорок лет, — хорошо помним, как начиналась грузинская нефть. В тридцатые годы, когда создавался трест «Грузнефть», были первые скважины в Супсе, Мирзаани, Патара-Шираки, у нас не было, конечно, ни нужных кадров, ни техники, ни опыта работы. И разве удивительно, что в эти годы с нами бок о бок работали азербайджанские нефтяники, а возглавлял всю работу Г. Нестеров — один из заместителей треста «Грузнефть», назначенный управляющим Грузинского треста.

В конце тридцатых годов было открыто Норийское нефтяное месторождение. Вышки, выросшие вокруг села, не-

умолимо влекли к себе мальчишек, и, едва окончив школу, я тоже сразу пришел на буровую. Пришел и прикипел сердцем к этому делу. Если бы был у меня сын, обязательно сделал бы его буровым мастером, хотя, скажу честно, и дочь радеет меня. Но работа на вышке — настоящая мужская работа. Тут и выдержка проверяется, и мастерство, и чувство товарищества, и выносливость, и рабочая закалка, и, конечно, взаимовыручка. А вспомнил я об этом вот почему. Вот, к примеру, в пятидесятых годах в Грузию приезжала специальная бригада нефтяников из Баку — наша молодая отрасль переживала тогда сложное время: и она дала конкретные рекомендации по дальнейшему направлению геологоразведочных работ. Вызвали бакинскую бригаду нефтяников, в работе которой принимали участие грузинские геологи, в значительной своей части получили практическое осуществление в последующих работах треста «Грузнефть». Азербайджанские нефтяники постоянно уделяли внимание молодой отрасли народного хозяйства Грузии, в трудную минуту всегда приходили на помощь. Ты, наверное, помнишь, Акип, какая сложная, аварийная ситуация сложилась в 1978 году на Тарибанской глубокой скважине, что в Цителцарском районе, буровики обычно бываю в курсе таких дел, и тогда к нам в Грузию приехал мастер по сложным аварийным работам Амр Гусейнов. Здорово выручил он наших, ювелирную, можно сказать, проделав работу. Он еще не раз приезжал и в Супсу, и в Марткопи, всегда помогая конкретным делом.

Не могу не поделиться с тобой, Акип, своей радостью — за успешное окончание десятой пятилетки, досрочное выполнение плановых заданий меня наградили самой высокой наградой Родины — орденом Ленина. Это уже второй орден Ленина, первый я получил в восьмой пятилетке. Сам понимаешь, дорогой друг, как был я счастлив таким вниманием Родины. Медаль «За трудовую доблесть» получили и члены бригады, о которых я тебе уже писал, — это буровицки Гурам Гураспашвили и электрик Александр Мамадашвили, кстати, потомственный нефтяник. Ответить на это внимание и заботу можно только самоотверженным трудом в одиннадцатой пятилетке.

Тебе, конечно, будет интересно узнать — из чего складывался наш успех в десятой? Когда по всей стране началось разворачивание социалистическое со-

А сколько наших ребят прошли выучку в Баку, работая на нефтяных промыслах Азербайджана! Теперь многие из них — командиры производств. Примером таких можно было бы привести очень много и заполнить ими не одно дружеское письмо. Но о сегодняшнем дне хотелось бы обязательно сказать.

Сейчас, когда Грузия опередила по добыче нефти многие республики страны, где тоже добывается «черное золото», выдавая нефть в количествах, измеряемых миллионами тонн, наши связи с вами, азербайджанскими коллегами, стали еще теснее. Теперь мы на равных соревнуемся с вами. Мой давний друг, школьный товарищ, мы с ним вместе пришли, если можно так сказать, в грузинскую нефть. Буровой мастер Абрам Мухашвили соревнуется с Салманом Нагиевым, буровым мастером Габустанского управления буровых работ объединения «Азнефть». Мы встречались с Салманом Нагиевым, когда он приезжал в Тбилиси для подведения итогов социалистического соревнования между двумя бригадами, выдвигались в Москву, на Всесоюзном слете победителей социалистического соревнования лучших бригад в отрасли. В Габустанском управлении тоже побывали наши нефтяники — туда выезжала делегация Восточно-Грузинского управления разведочного бурения. В составе этой делегации были и буровые мастера А. Мухашвили и Б. Шиошвили. Последний навещал своего друга и, если можно так сказать, соперника по социалистическому соревнованию, бурового мастера Габустанского управления Бунятова. Вернувшись, товарищи много рассказывали об этой поездке, о работе нефтяников Азербайджана. Так что добрые традиции дружбы, взаимовыручки, трудового соперничества живы, развиваются и крепнут, дела ваши нам понятны и близки. Особое после съезда нашей Коммунистической партии, где была подчеркнута верность коммунистов ленинским идеям дружбы и интернационализма.

ДОРОГОЙ АКИП! Программа работы съезда была так насыщена, впечатлений так много, что рассказать тебе о своей бригаде подробнее, как ты просил, просто практически не было возможности. А вот сейчас просьбу твою могу выполнить. Нас на буровой (сейчас мы работаем на Самгорском месторождении) — двадцать четыре человека. Коллектив подобрался дружный, хороший, вместе работаем много лет. С буровицами Г. Гураспашвили, Ш. Партладзе, А. Мамадашвили

равновесие «Пятилетку» и «десятилетку», одной из первых включилась в это движение наша «Бригада». Разбитый, разваливающийся техникум, организационно организовывали труд, освобождали смежные профессии. Вот тебе цифры для сравнения: если по первой разведочной скважине, пробуренной бригадой на западе Самгорского месторождения, скорость бурения составила 390 метров в месяц, продолжительность цикла строительства — 419 суток, то через три года эти же показатели стали такими: скорость бурения — 549 метров в месяц, цикл строительства — 212 суток, производительное время — 88 процентов, а аварий — ноль.

Каждая новая скважина учила нас чему-то, добавляла опыта, прибавляла смелости в поиске. В процессе бурения мы с коллегами начали применять жесткие компоновки низа буровых колонн, что позволило значительно повысить нагрузки на долото без риска искривить скважину, выросла скорость проходки. Работаем мы в дружбе с наукой. Применяя рекомендации Всесоюзного научно-исследовательского института по креплению скважин и буровым растворам «ВНИИНефть», бригаде удалось значительно сократить время на вспомогательные работы.

И еще об одном, важном, на мой взгляд, факторе, хотелось бы сказать. Все члены бригады освоили смежные профессии. Теперь любой из помощников буровицки может успешно работать и первым помощником и верховым. Ребята инициативные, никто не ждет дополнительной команды, чтобы помочь слесарю или электромонтеру у буровой или промыски скважины. На буровой у нас — четыре вахты. Обычно, когда одна вахта сменяет другую, тянется минут 20—25 рабочего времени. А сейчас мы наладили смену вахт, что называется, «на ходу» — она идет без остановки рабочего процесса на буровой. Используем мы и такой резерв, как механизация ручных работ. Ты ведь знаешь, Акип, что спуско-подъемные операции наиболее трудоемкие, и мы постарались максимально механизировать их.

Не сразу, конечно, такой коллектив сложился, с некоторыми, случайными в бурении людьми пришлось расстаться. Но зато те, кто остался, я уверен, не подведут. И сами работают на совесть, и других учат тому же. Вот, например, Павел Лобжанидзе. Он начинал работать у нас рабочим, потом освоил профессию буровицки, затем стал помощником мастера. А сейчас уже второй год возглавляет самостоятельную бригаду на буровой № 3. На его место пришел другой Лобжанидзе, Авандий, сейчас — помощник бурового мастера. Много классных специалистов выросло в бригаде — рабочую школу прошел у нас вместе со своими товарищами и Ираклий Накашидзе, который сегодня возглавляет Восточно-Грузинское управление разведочного бурения объединения «Грузнефть». А будучи еще студентом, он и его однокурсники приезжали на практику к бакинским нефтяникам.

ВОТ И СНОВА говорю я о наших контактах, о главном, терпеливом, взаимовыручечном, о дружбе. И снова мысленно вернулся в Москву, в Кремлевский Дворец съездов, где это чувство было выражено особенно, но сильно, как бы сконцентрировалась мысль и чинились миллионы советских людей. Одну вещь понял я на съезде особенно остро: мы, коммунисты 80-х, лично ответственны за все, что происходит в нашей жизни, за то, чтобы все намеченное партией было выполнено. И еще, мы постараемся внести в намеченные планы свою рабочую поправку, чтобы дать продукции больше, лучшего качества. Одобрение решений съезда — одобрение делом. Эти слова, сказанные на торжественном заседании в Москве, посвященном 111-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина, должны стать девизом в нашей работе, главным критерием трудовой жизни.

Дорогой Акип! Помнишь песню: «Друга я никогда не забуду, если с ним подружился в Москве». Я думаю, что наша дружба со всеми нефтяниками страны, с которыми мы познакомились на съезде, будет развиваться и крепнуть, а личные контакты будут ей, конечно, только на пользу. Поэтому, заканчивая это письмо, я еще раз повторю свое приглашение — приезжай в Тбилиси на празднование 60-летия моей родной республики. Будешь дорогим гостем.

Парнаоз Чркишвили, буровой мастер Восточно-Грузинского управления разведочного бурения производственного объединения «Грузнефть».

РОДИНЕ С ЧЕСТЬЮ СЛУЖИТЬ

С РЕСПУБЛИКАНСКОГО СЛЕТА ПРИЗЫВНИКОВ

Возложением венков к памятнику В. И. Ленину на главной площади Тбилиси начался республиканский слет призывников, посвященный XXVI съезду КПСС и 60-летию Советской Грузии. В одной колонне шли офицеры Советской Армии, участники Великой Отечественной войны, молодые люди, которым завтра предстоит надеть военную форму.

В Большом концертном зале Грузинской государственной филармонии состоялось торжественное собрание.

Звучат государственные гимны Советского Союза и Грузинской ССР. Под звуки торжественного марша в зал вносятся боевые знамена частей Тбилисского гарнизона.

В президиум собрания — Председатель Президиума Верховного Совета республики И. Гишашвили, председатель государственного собрания, секретарь Тбилисского городского Совета народных депутатов Г. Габуния, секретарь Тбилисского городского комитета партии Н. Энделедзе, секретарь ЦК ЛКСМ Грузии В. Лорткишвили, руководители республиканских министерств и ведомств. В зале рядом с призывниками — партийные, советские, комсо-

мольские работники городов и районов республики, представители военных частей, военных комиссариатов.

— Торжественные провозглашения в Советскую Армию стали хорошей традицией в республике, — сказал, открывая собрание, военный комиссар Грузинской ССР генерал-майор Л. Шарашенидзе. — Они вливаются в настоящий праздник, демонстрируют единство народа и армии.

От имени ЦК Компартии Грузии, Президиума Верховного Совета республики и Совета Министров Грузинской ССР призывников напутствовал П. Гишашвили. Он напомнил им о славных боевых традициях отцов и дедов, пожелал с честью служить Родине.

Участники слета приняли обращение ко всем юношам республики, которым предстоит в нынешнем году начать службу в рядах Советской Армии.

В воскресенье после торжественного митинга на республиканском призывном пункте юноши отправятся к месту прохождения военной службы.

(Грузинформ).

В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ

ТРИПОЛИ, 28 апреля. (ТАСС). Органы массовой информации Ливии широко комментируют визит в Советский Союз лидера ливийской революции, главы Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии Муамара Каддафи и начавшиеся в Москве советско-ливийские переговоры.

Правительственная газета «Аль-Фаджр аль-Джадид» помещает на центральных местах фотографии о встрече М. Каддафи в Москве и сообщает о теплом приеме, оказанном ливийскому руководителю. Радио Триполи передает в подробном изложении речи, которыми обменялись на обеде в Кремле Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев и М. Каддафи, указав на огромную важность дальнейшего развития и укрепления отношений между СССР и Ливией во всех областях. В передаче особо подчеркивается необходимость оказания отпора проискам империализма и реакции на Ближнем Востоке и в районе Персидского залива.

В комментарии агентства ДЖАНА отмечается, что визит М. Каддафи происходит в тот момент, когда реакционные круги во главе с американским империализмом пытаются активизировать свои действия, направленные на подавление революционных и национально-освободительных движений в различных районах мира, и в том числе на Ближнем Востоке. В этой связи ДЖАНА призывает к объединению всех прогрессивных сил в борьбе против происков империализма на Ближнем Востоке.

БОЛЬШОЙ УСПЕХ

РИМ, 28 апреля. (ТАСС). «Во Флоренции артистам Грузинского академического театра имени Ш. Руставели сопутствовал такой же успех, как и во многих других городах Европы, от Эдинбурга до Москвы», — пишет газета «Пазе сера», помещая большую рецензию на спектакль «Кавказский меловой круг».

Успех этот, по мнению газеты, объясняется блестящим составом труппы, профессиональным мастерством которой достигает высочайшего уровня. Артисты под умелым руководством режиссера Роберта Стурра дают собственное прочтение пьесы В. Брехта, пишет газета. «Пазе сера» выделяет игру Изы Гишашвили и Рамаза Чхикадзе — исполнителей главных ролей спектакля, — характеризуя их как «выдающихся».

◆ **КАПРИ.** На этом итальянском острове состоялась торжественная церемония возложения венков к памятнику В. И. Ленину. Нынешняя церемония завершила мероприятия, посвященные 111-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина.

◆ **РИМ.** В городке Торре-дель-Греко около Неаполя неизвестными преступниками похищен видный деятель христианско-демократической партии Италии, бывший президент областного джунты Кампани Чиро Чирилло. В настоящее время он является советником областного джунты Кампани по вопросам строительства.

«Это действительно блистательное выступление, — пишет в свою очередь газета «Мессаджеро». — Благодаря грузинским артистам зрители почувствовали, что и сегодня, спустя 25 лет после смерти В. Брехта, его творческое наследие дает безграничные возможности для интерпретации». Театр им. Ш. Руставели по-новому поставил этот спектакль, отказавшись от традиционного подхода к пьесе Брехта. Актеры, занятые в спектакле, пропускают переживания своих героев через сердце, что и является главной причиной столь небывалого успеха, пишет газета.

◆ **НЬЮ-ЙОРК.** Кровавый список жертв расистского террора, захлестнувшего американский город Атланту, продолжает расти. Еще один труп молодого негра Джамиса Патна был обнаружен в реке Чатахуча недалеко от места, где ранее были обнаружены останки трех других негритянских детей. По сообщению Дж. Пейн был сначала задушен, а затем брошен в реку.

(ТАСС, 28 апреля).

С ТЕЛЕТАЙПНОЙ ЛЕНТЫ

ОКОНЧАНИЕ.

— Правду я тебе сказал, дорогой, правду! Иначе с чего бы ты сорвался с постели с пелюшками... Народ уж тут собираться! Не поймешь — то ли плачут, то ли смеются. Ну и перелопот же, скажу я тебе, в Гамарджаве! — гудел Закиро, и не в силах усадить на место, как шальной, закружил по комнате, то и дело натыкаясь на вещи.

Линета поспешно накрыла на стол возле очага, когда увидела, что больной без сил упал на подушки. Лицо его побелело, как полотно, а лоб покрылся испариной.

— Что с тобой, Никол! — бросилась к нему жена.

— Есть, оказывается, бог на земле! — прошептал Никол. Больше он ничего не успел сказать.

Его больное сердце не выдержало эту неожиданную радость.

На исходе было лето 1978 года...

О НАЧАЛЕ восстановления Черми руководители нашей республики посетили селение и его окрестности. Гостей сопровождали гурджавцы: — Шота Эцадзашвили и Мосе Самадзашвили. Проходя по заброшенной деревне, они заметили над землей, перекрытой на скорую руку, дымок. Поблизости от нее молодая женщина корчевала кустарник, выросший на старой дороге.

— Первая ласточка! — спросил один из гостей.

— Сердцу не прикажешь! Попрошу теперь удержаться черемца в долине, — ответил Эцадзашвили.

В это время из землянки стремглав выскочили поросята. И были они настолько черны, что могло показаться, что на двор выбросили погашенные поленья. Поросята запрыгали в ногах гостей, обдав их брызгами грязи.

— Ах, чтоб вас волки съели, паршивцы эдакие! Позор на мою голову!!! — заволновалась женщина.

— Разве можно таких кругленьких поросят волкам отдавать, сестричка! Видите, какие гости к вам пожаловали! — пошутил один из гостей.

— Была не была! Они в счет заготовки мяса пойдут! Я мигом обернусь, дорогие гости! — не осталась в долгу счастливая хозяйка.

Солнце уже садилось, когда с вершины Кахачи послышалась песня. А спустя некоторое время показались и сами певцы. Молодые ребята шагали так медленно и грузно, словно и несли глину для тонов. Видно, они сильно устали. Но все же пели! Кто мог подумать, что сумеют они всего лишь за один день управиться с этими непролазными зарослями. И такое поле расчистили, хоть скачки устраивай. Рубка — еще куда ни шло, корчевка пней — вот, что вымотало виноградарей. Но к вечеру, когда обмеряли они расчищенный участок, из груди их сама собой полилась песня.

Инициатива велисских комсомольцев опередила постановление партии и правительства. Как услышала молодежь о предстоящих переменах в судьбе Черми, так, не мешкая, собралась в бригаду. На рассвете следующего дня комсомольцы уехали в Грузию и отправились в Черми. У старых токов они выгрузились и, взяв на спину кирки, ломы и топоры, харчи и спальные пакеты, пешком двинулись вверх по лесистому склону.

— Гости осмотрели участок, очищенный молодежью. К пашне не придерешься — запрыгал плуг и паши сколько душе угодно.

Вечером. Легкие, голубоватые сумерки обняли гомборские склоны. Но гости и хозяева еще долго не могли расстаться друг с другом.

В задумчивой беседе один из гостей сказал:

— Каждый комсомолец должен считать возрождение наших горных районов своим кровным делом! Не пожалев ни сил, сделаем так, чтобы горцы жили не хуже жителей долин. Очень сложная задача стоит перед нами, друзья, но, когда дело касается нашего будущего, мы знаем, ничто не преодолит для нас нет.

Пройдет время, и гурджавская молодежь докажет эти слова конкретным делом.

Первый секретарь Гурджавского райкома комсомола Гог Махашавили признался мне:

— Сначала не верилось, что справимся. Восстановление Черми было сопряжено со многими трудностями. Бездорожье, отсутствие воды и света, нехватка рабочей силы. В заброшенной деревне не было даже простой землянки, где человек мог бы укрыться от непогоды! Надо было вырубить и расчистить тысячу пятьсот гектаров запущенных земель.

Была еще одна трудность. У черемцев, поселившихся в долине, уже подросло новое поколение. А у нового поколения, как известно, и взгляд на вещи новый, и новый забор, и новые помыслы. К тому же, помните: «Где родился я и рос — там и родина моя!». Но трудность эта оказалась преодолимой. Зов крови сделал свое! Большие и малые, старые и молодые поклонялись в верности родному Черми. Воистину на праведное дело люди не переводятся никогда.

Составили двадцать две бригады по десять — пятнадцать комсомольцев в каждой, на бывшем току в Черемском ущелье раскинули большие палатки, водрузили знамя, и... закипела работа. И не было среди них ни лентяев, ни прогульщиков. И был их труд сродни подвигу...

— Смотрел я на молодежь и гордился ею. Именно так работали на субботниках первых пятилеток! — сказал мне первый секретарь Гурджавского райкома партии Бичико Шинджаваши.

А что виноград? Оправдались ли прогнозы противников возрождения Черми?

Прошло уже более трех тысяч лет с тех пор, как хакетинский крестьянин взлелеял древо жизни — виноград и установил в марени давлении из ствола ваз. Эти тридцать столетий, казалось, открыли все тайны виноградной лозы, но свершилось новое чудо, и свершилось оно в наши дни, на глазах у всего народа. В 1972 году Гурджави дал стране 25 тысяч тонн винограда. И вот, не прошло и десяти лет — мгновение в вечной жизни лозы, — как в дверь постучался новый ртвели. Не поверите! 150 тысяч тонн винограда!

25 тысяч и 150 тысяч! Разве это не чудо!!

И слова тут излишни, как пламя восковой свечи после восхода солнца.

О трудностях нынешнего большого ртвели, о напряженном труде гурджавских виноградарей рассказуют читателю следующие главы моей книги... Теперь же вернемся к бригадам Гог Махашавили. Эти безудельные юнцы не оставили без присмотра и долинные виноградники. Работали на два фронта: неделями не отходили они от виноградников, а затем снова уходили в Черми... Так продолжалось до конца августа, пока виноград не созрел. А потом они днели и ночевали на Черемских отрогах. Большую подмогу оказала гурджавская молодежь дорожникам, строителям жилых домов и временам для скота. Тот, кто видел новую дорогу Черми — Гадриели, не мог не удивиться — она лишь местами совпадала с извилистой и оползневой старой аробной дорогой. Весьма сложная и труднодоступная местность

потребовала не только большой рабочей силы, техники, но и опытных мастеров дорожного дела. Шота Эцадзашвили разумно подошел к решению этой почти невыполнимой задачи, и сразу же побеспокоил соседей. И средства, и люди, и машины, и стройматериалы были найдены в пределах района... Коли человек не поленился и хорошо посмотрел вокруг, то непременно обнаружит в собственном доме скрытые, невыявленные резервы.

Вдоль старой дороги стояли огромные осины, дубы, буки и каштаны. Их надо было рубить. Цингомборской красе грозили топоры и пилы. Но случилось непредвиденное. Составляя дорожные чертежи, гурджавский инженер Георгий Бердидзашвили сумел найти и разработать новое направление дороги. И спас эти редчайшие деревья! Молодежь поддержала защитника леса. Впрочем, комсомольцы на этом не остановились. Там, где все же пришлось вырубать деревья, Гог Махашавили и его дружина высадили три тысячи ореховых деревьев.

Потери леса были возмещены. Три тысячи амок!

В иных местах почва по твердости не уступала валунам, но отрешась от данного слова никто не хотел. Той весной каждая девушка и каждый юноша посадили и выходили вдоль дороги по двадцать пять саженцев. Сороч километров преодолели они, сопровождая цистерны с водой лишь для того, чтобы полить и окучить саженцы...

«БЛАГОСОСТОЯНИЕ хакетинского крестьянина издревле основывалось на виноградарстве. Поэтому роду Темур-Ленга и Шах-Аббаса ополчились прежде всего против лозы, безжалостно рубя и корчя ее».

В лозе была сила и мощь хакетинца, его не стареющая молодость. Вспоминается одна старая притча. Был у одного хакетинского крестьянина ленивый сын и был у него виноградник. Почувствовав приближение смерти, позвал крестьянин соседа и говорит ему:

— Умираю, Ван! Забери мой виноградник, а взамен дай мне пахотную землю.

— Зачем? — удивился сосед.

— Ленивому с виноградником не управиться! Унесу я печаль в могилу и не будет мне покою на том свете. И сын мой с голоду померет! Может, он хотя бы кукурузу посевет, чтобы не кланяться по соседям миску муки! — молвил крестьянин.

Вдохновенная любовь к лозе устанавливала в семье хакетинского крестьянина великий закон и порядок труда. Человеку, работающему спустя рукава, на винограднике не удержаться. Из поколения в поколение передаются старинные обычаи виноградарей. Лишь у хороших отцов растут хорошие дети. И нет в мире лучшего учителя, чем личный пример. Наши дети стараются делать то, что делаем мы, родители, дома и вне дома. Не

могли вырасти плохие дети в семьях Тевдоре и Кобы Чохели.

Много молодых прославилось в тот год в битве за Черми. Познакомлю читателя с некоторыми из них.

НИКО ДЖОХАДЗЕ, руководитель молодежной виноградной бригады. После окончания средней школы стал работать в колхозе. С малых лет приучили его родители ухаживать за виноградником. Он отменно овладел искусством подрезки и подкиски лозы. Его бригада закрепила за собой двадцать гектаров виноградников, намереваясь собрать по сто центнеров винограда с гектара. Но никакое растение в мире, как сказал мне Никол, не отплатит добром за заботу и уход так щедро, как это делает лоза. Не пожалели труда девчата и парни из бригады, вырастив на каждом гектаре по сто двадцать центнеров винограда. Сверх зарплаты Никол Джохадзе получил еще и поощрительную награду — целых семьсот рублей.

С этим молодым бригадиром я познакомился в селении Вежини. Видел я Николу всего один раз, сердцем, непосредственно, ввсел. Пять работников в семействе Джохадзе. Отец — кузнец в колхозе селения Чандари, мать — виноградарь, тетя — виноградарь, сестра тоже работает на винограднике, притом заочно учится в сельскохозяйственном институте. Годовой доход семьи — восемнадцать тысяч рублей. К этой сумме приплюсовывается доход от приусадебного участка: государству было продано 10 тонн винограда — это семь тысяч пятьсот рублей; триста килограммов свинины — шестьсот двадцать рублей...

Как видите — деньги немалые.

— А как насчет сберкижки? — спросил я однажды Джохадзе.

Молодой бригадир не ожидал такого вопроса

Он замаялся, усмехнулся, затем взглянул на меня и сказал:

— Есть. Семь тысяч рублей накопились уже!...

Сонгулашвили Элиас, Гелашвили Марине, Мишелашвили Лиза, Бежанашвили Заира, Хуцишвили Тамар, Липарташвили Ирине, Иаканова Лия. О них мне рассказал первый секретарь райкома комсомола Гог Махашавили. Они еще в средней школе ходили, а уже считались мастерами высоких урожаев винограда. И так уверенно работали девушки наравне с поседевшими в трудах мужчинами, словно сами взрастили библейский Ноев виноградник.

Безграничная любознательность, жажда знаний... И стоило зайти в гости к бригаде коммунистов прославленному виноградарю, как лавина вопросов тут же обрушилась на него. Тысячи «как», «тысячи когда» и «почему» не давали гостю передохнуть. Однажды попался им в руки виноградный художник Михаил Навишвили, так они до самого вечера не отпускали его домой.

— Дело едва до развода с женой не дошло, уважавший писатель! — пожаловался Михаил. — В тот день мне кое-как удалось выкроить свободную минутку. Утром было жену в Ахтале отвезти. Оставил я ее уходом у калитки с вещами и пошел в молодежную бригаду за машиной. Да так и остался там. Не отпустили...

Он помолчал, улыбнулся, а потом покачал головой и сказал:

— Хорошая молодежь, скажу я вам! Ничего для них не пожелало. Обскакали они нас, Амранов! В прошлый ртвели каждая из этих девушек четыре плана выполняла! Триста килограммов винограда полагалось на человека, так они по тысяче амков собрали!

Как возмущают человека труд и старание! Шестидесятилетний мужчина, прославленный виноградарь, с великой почитательностью здоровается с этими семнадцатилетними юношами и девушками.

Не отступят они и в учебе. Одни учатся заочно в сельскохозяйственном институте, другие — работают в будущем году экзамены держать. Девушки уже нашли свое призвание и свое место в жизни. Как не похожи они на своих горесверстников, из года в год не добравших баллы в институты, на тех, кто виноградники за версту обходит...

СЕСИАСВИЛИ БЕСИКИ, семнадцатилетний комсомолец. Может, кто и не поверит, что этот сухой долговязый мальчишка управляет звеном виноградной в велисском колхозе, направляя работу двадцатипятилетних комсомольцев — юношей и девушек. Ежегодно, начиная с шестого класса и до самого окончания школы, он зарабатывал не менее семидесяти трудодней. Влюблен в лозу. Его звено закрепило за собой восемь гектаров виноградников. Девяносто амков центнеров на гектар — так значилось в плане. Но приходилось ли видеть вам, друг мой, воду ручья, устремившуюся по желобу к мельничному

колесу? Вот так, не щадя себя, взялись за дело соретники Бесики. Ртвели превзошел все ожидания. На каждом гектаре было собрано 160 центнеров винограда.

А вот его сверстники — Коншашвили Гий и Саломашвили Валерий тоже с шестого класса пришли на подмогу селу. Окончив школу, окончательно закрепились в виноградной бригаде.

Если слово имеет силу, то скажу это слово — долгой жизни и доброго здоровья родителям этих юнцов.

Вот какая молодежь пришла на помощь черемской земле. И если ныне в Гомборских горах расклевываются колыбели и дым стелется над крышами домов, то это дела молодых гурджавских энтузиастов...

МЫ МЕДЛЕННО поднимаемся по черемскому подъему. Осень на исходе. Красно-желтым переливаются лесистые отроги Гомбори. Прижились ореховые деревья, посаженные по краям дороги. Прошло уже четыре месяца, как с неба не упало ни росиночки, а саженцы стоят себе, словно засухи и не бывало вовсе. По сей день гурджавские комсомольцы поливают ореховые деревья.

Посыпанная гравием дорога постепенно забирает в гору. Диву даюсь, когда это успели поставить электрические столбы, провести телефонную линию, построить столько сточных канав! Впрочем, чему удивляться! Будущие жители Черми, все от мала до велика, пришли на помощь дорожной бригаде. Они вошли в Черми вместе с новой дорогой. А вот и Тхильское ущелье. Здесь будет запущено четыре миллиона кубических метров воды. Возникнет огромное озеро, будет разведена рыба, осуществятся полив черемских лугов, и кто знает, сколько еще благ принесет гурджавцам местная святая троица: вода, лес и воздух.

Первую колыбель в Черми привез Тенгиз

Джавахдзе, — рассказывает Мосе Самадзашвили, приглашая меня войти во двор храма Богородицы. — Было это в 1978 году, в конце марта. Знать пришли Ван Циклару, Алексю Джавахдзе... Не исступались они ни снега, ни неистая, ни бездорожья. Пришли дружки в эту хорошо сохранившуюся церковь, расстелили на полу постель и... в ту ночь, конечно, им было не до сна!

Всегоми, читатель, как в первой половине восемнадцатого века именно в этой церкви нашел приют первый поселенец разоренного Черми Гого Абесадзе.

Горец вернулся в горы...

Первый караван переселенцев поднялся в Черми в сопровождении Шоты Эцадзашвили и Мосе Самадзашвили. На подступах к селению горец охватил сильное волнение. Вот разбитая старая мельница. Замшелый обломок жернова торчит из-под земли. Потом среди деревьев мелькнули белые развалины сельской школы. А вот и поляны, где некогда ржанные скомоходы велись гости. Женщины тихо заплакали, а мужчины, сурово сомкнув побелевшие губы, старались не глядеть по сторонам. Горцу не подобало проявлять своих чувств, особенно на людях. Но у кладбища и они не выдержали: упали на колени перед почерневшими плитами и могильными холмиками, поросшими бурьяном. Мосе Самадзашвили сказал мне: «Я видел это, и не дей бог увидеть такое еще раз». Они не плакали, не стонали, не причитали, а спокойно, с просветленными лицами разговаривали со своими мертвыми так, как говорят обычно с живыми. Только один старик все время прятал глаза, стараясь скрыть слезы...

Тридцать одну семью приютил в тот день храм Богородицы. Первое учредительное собрание колхоза также состоялось здесь 31 марта. На собрании присутствовали Шота Эцадзашвили, члены бюро райкома. Никто не говорил громких слов, никто не расписался в своей любви к земле Черми, никто не произносил благодарственных речей, понимая, что все тридцать три буквы грузинского алфавита бессильны сложить слово для выражения радости этого часа. И тогда один пожилой горец поднял руку. «Что тебе, Никола?» — спросил председатель собрания. — «Притчу хочу рассказать...».

И рассказал.

«Один крестьянин нарезал в поле бузины да крапивы и давал плетены из них городцы. Навесил калитку из бузиновых веток и ходит себе доволный, работой своей любителю. Довелось в то время господу богу мимо пройтись. Увидел он плетень, нахмурил брови и позвал крестьянина: — Что ты наделал, добрый человек? Бузина да крапива и двух дней не протнут, уянут, зачахнут! Завалился твоей плетенью, и тебе лишняя морока — по новой забор ставить».

— Нет, господи, — ответил крестьянин. — Ошибки тут никакой нет. Жить-то мне всего день осталось. Зачем понапрасну мучаться: глину месить, камни таскать. Не мой век и бузины хвайт».

Джавахдзе, — рассказывает Мосе Самадзашвили, приглашая меня войти во двор храма Богородицы. — Было это в 1978 году, в конце марта. Знать пришли Ван Циклару, Алексю Джавахдзе... Не исступались они ни снега, ни неистая, ни бездорожья. Пришли дружки в эту хорошо сохранившуюся церковь, расстелили на полу постель и... в ту ночь, конечно, им было не до сна!

Всегоми, читатель, как в первой половине восемнадцатого века именно в этой церкви нашел приют первый поселенец разоренного Черми Гого Абесадзе.

Горец вернулся в горы...

Первый караван переселенцев поднялся в Черми в сопровождении Шоты Эцадзашвили и Мосе Самадзашвили. На подступах к селению горец охватил сильное волнение. Вот разбитая старая мельница. Замшелый обломок жернова торчит из-под земли. Потом среди деревьев мелькнули белые развалины сельской школы. А вот и поляны, где некогда ржанные скомоходы велись гости. Женщины тихо заплакали, а мужчины, сурово сомкнув побелевшие губы, старались не глядеть по сторонам. Горцу не подобало проявлять своих чувств, особенно на людях. Но у кладбища и они не выдержали: упали на колени перед почерневшими плитами и могильными холмиками, поросшими бурьяном. Мосе Самадзашвили сказал мне: «Я видел это, и не дей бог увидеть такое еще раз». Они не плакали, не стонали, не причитали, а спокойно, с просветленными лицами разговаривали со своими мертвыми так, как говорят обычно с живыми. Только один старик все время прятал глаза, стараясь скрыть слезы...

Тридцать одну семью приютил в тот день храм Богородицы. Первое учредительное собрание колхоза также состоялось здесь 31 марта. На собрании присутствовали Шота Эцадзашвили, члены бюро райкома. Никто не говорил громких слов, никто не расписался в своей любви к земле Черми, никто не произносил благодарственных речей, понимая, что все тридцать три буквы грузинского алфавита бессильны сложить слово для выражения радости этого часа. И тогда один пожилой горец поднял руку. «Что тебе, Никола?» — спросил председатель собрания. — «Притчу хочу рассказать...».

И рассказал.

«Один крестьянин нарезал в поле бузины да крапивы и давал плетены из них городцы. Навесил калитку из бузиновых веток и ходит себе доволный, работой своей любителю. Довелось в то время господу богу мимо пройтись. Увидел он плетень, нахмурил брови и позвал крестьянина: — Что ты наделал, добрый человек? Бузина да крапива и двух дней не протнут, уянут, зачахнут! Завалился твоей плетенью, и тебе лишняя морока — по новой забор ставить».

— Нет, господи, — ответил крестьянин. — Ошибки тут никакой нет. Жить-то мне всего день осталось. Зачем понапрасну мучаться: глину месить, камни таскать. Не мой век и бузины хвайт».

Джавахдзе, — рассказывает Мосе Самадзашвили, приглашая меня войти во двор храма Богородицы. — Было это в 1978 году, в конце марта. Знать пришли Ван Циклару, Алексю Джавахдзе... Не исступались они ни снега, ни неистая, ни бездорожья. Пришли дружки в эту хорошо сохранившуюся церковь, расстелили на полу постель и... в ту ночь, конечно, им было не до сна!

Всегоми, читатель, как в первой половине восемнадцатого века именно в этой церкви нашел приют первый поселенец разоренного Черми Гого Абесадзе.

Горец вернулся в горы...

Первый караван переселенцев поднялся в Черми в сопровождении Шоты Эцадзашвили и Мосе Самадзашвили. На подступах к селению горец охватил сильное волнение. Вот разбитая старая мельница. Замшелый обломок жернова торчит из-под земли. Потом среди деревьев мелькнули белые развалины сельской школы. А вот и поляны, где некогда ржанные скомоходы велись гости. Женщины тихо заплакали, а мужчины, сурово сомкнув побелевшие губы, старались не глядеть по сторонам. Горцу не подобало проявлять своих чувств, особенно на людях. Но у кладбища и они не выдержали: упали на колени перед почерневшими плитами и могильными холмиками, поросшими бурьяном. Мосе Самадзашвили сказал мне: «Я видел это, и не дей бог увидеть такое еще раз». Они не плакали, не стонали, не причитали, а спокойно, с просветленными лицами разговаривали со своими мертвыми так, как говорят обычно с живыми. Только один старик все время прятал глаза, стараясь скрыть слезы...

Тридцать одну семью приютил в тот день храм Богородицы. Первое учредительное собрание колхоза также состоялось здесь 31 марта. На собрании присутствовали Шота Эцадзашвили, члены бюро райкома. Никто не говорил громких слов, никто не расписался в своей любви к земле Черми, никто не произносил благодарственных речей, понимая, что все тридцать три буквы грузинского алфавита бессильны сложить слово для выражения радости этого часа. И тогда один пожилой горец поднял руку. «Что тебе, Никола?» — спросил председатель собрания. — «Притчу хочу рассказать...».

И рассказал.

«Один крестьянин нарезал в поле бузины да крапивы и давал плетены из них городцы. Навесил калитку из бузиновых веток и ходит себе доволный, работой своей любителю. Довелось в то время господу богу мимо пройтись. Увидел он плетень, нахмурил брови и позвал крестьянина: — Что ты наделал, добрый человек? Бузина да крапива и двух дней не протнут, уянут, зачахнут! Завалился твоей плетенью, и тебе лишняя морока — по новой забор ставить».

— Нет, господи, — ответил крестьянин. — Ошибки тут никакой нет. Жить-то мне всего день осталось. Зачем понапрасну мучаться: глину месить, камни таскать. Не мой век и бузины хвайт».

Джавахдзе, — рассказывает Мосе Самадзашвили, приглашая меня войти во двор храма Богородицы. — Было это в 1978 году, в конце марта. Знать пришли Ван Циклару, Алексю Джавахдзе... Не исступались они ни снега, ни неистая, ни бездорожья. Пришли дружки в эту хорошо сохранившуюся церковь, расстелили на полу постель и... в ту ночь, конечно, им было не до сна!

Всегоми, читатель, как в первой половине восемнадцатого века именно в этой церкви нашел приют первый поселенец разоренного Черми Гого Абесадзе.

Горец вернулся в горы...

Первый караван переселенцев поднялся в Черми в сопровождении Шоты Эцадзашвили и Мосе Самадзашвили. На подступах к селению горец охватил сильное волнение. Вот разбитая старая мельница. Замшелый обломок жернова торчит из-под земли. Потом среди деревьев мелькнули белые развалины сельской школы. А вот и поляны, где некогда ржанные скомоходы велись гости. Женщины тихо заплакали, а мужчины, сурово сомкнув побелевшие губы, старались не глядеть по сторонам. Горцу не подобало проявлять своих чувств, особенно на людях. Но у кладбища и они не выдержали: упали на колени перед почерневшими плитами и могильными холмиками, поросшими бурьяном. Мосе Самадзашвили сказал мне: «Я видел это, и не дей бог увидеть такое еще раз». Они не плакали, не стонали, не причитали, а спокойно, с просветленными лицами разговаривали со своими мертвыми так, как говорят обычно с живыми. Только один старик все время прятал глаза, стараясь скрыть слезы...

Тридцать одну семью приютил в тот день храм Богородицы. Первое учредительное собрание колхоза также состоялось здесь 31 марта. На собрании присутствовали Шота Эцадзашвили, члены бюро райкома. Никто не говорил громких слов, никто не расписался в своей любви к земле Черми, никто не произносил благодарственных речей, понимая, что все тридцать три буквы грузинского алфавита бессильны сложить слово для выражения радости этого часа. И тогда один пожилой горец поднял руку. «Что тебе, Никола?» — спросил председатель собрания. — «Притчу хочу рассказать...».

И рассказал.

«Один крестьянин нарезал в поле бузины да крапивы и давал плетены из них городцы. Навесил калитку из бузиновых веток и ходит себе доволный, работой своей любителю. Довелось в то время господу богу мимо пройтись. Увидел он плетень, нахмурил брови и позвал крестьянина: — Что ты наделал, добрый человек? Бузина да крапива и двух дней не протнут, уянут, зачахнут! Завалился твоей плетенью, и тебе лишняя морока — по новой забор ставить».

— Нет, господи, — ответил крестьянин. — Ошибки тут никакой нет. Жить-то мне всего день осталось. Зачем понапрасну мучаться: глину месить, камни таскать. Не мой век и бузины хвайт».

Джавахдзе, — рассказывает Мосе Самадзашвили, приглашая меня войти во двор храма Богородицы. — Было это в 1978 году, в конце марта. Знать пришли Ван Циклару, Алексю Джавахдзе... Не исступались они ни снега, ни неистая, ни бездорожья. Пришли дружки в эту хорошо сохранившуюся церковь, расстелили на полу постель и... в ту ночь, конечно, им было не до сна!

Всегоми, читатель, как в первой половине восемнадцатого века именно в этой церкви нашел приют первый поселенец разоренного Черми Гого Абесадзе.

Горец вернулся в горы...

Первый караван переселенцев поднялся в Черми в сопровождении Шоты Эцадзашвили и Мосе Самадзашвили. На подступах к селению горец охватил сильное волнение. Вот разбитая старая мельница. Замшелый обломок жернова торчит из-под земли. Потом среди деревьев мелькнули белые развалины сельской школы. А вот и поляны, где некогда ржанные скомоходы велись гости. Женщины тихо заплакали, а мужчины, сурово сомкнув побелевшие губы, старались не глядеть по сторонам. Горцу не подобало проявлять своих чувств, особенно на людях. Но у кладбища и они не выдержали: упали на колени перед почерневшими плитами и могильными холмиками, поросшими бурьяном. Мосе Самадзашвили сказал мне: «Я видел это, и не дей бог увидеть такое еще раз». Они не плакали, не стонали, не причитали, а спокойно, с просветленными лицами разговаривали со своими мертвыми так, как говорят обычно с живыми. Только один старик все время прятал глаза, стараясь скрыть слезы...

Тридцать одну семью приютил в тот день храм Богородицы. Первое учредительное собрание колхоза также состоялось здесь 31 марта. На собрании присутствовали Шота Эцадзашвили, члены бюро райкома. Никто не говорил громких слов, никто не расписался в своей любви к земле Черми, никто не произносил благодарственных речей, понимая, что все тридцать три буквы грузинского алфавита бессильны сложить слово для выражения радости этого часа. И тогда один пожилой горец поднял руку. «Что тебе, Никола?» — спросил председатель собрания. — «Притчу хочу рассказать...».

И рассказал.

«Один крестьянин нарезал в поле бузины да крапивы и давал плетены из них городцы. Навесил калитку из бузиновых веток и ходит себе доволный, работой своей любителю. Довелось в то время господу богу мимо пройтись. Увидел он плетень, нахмурил брови и позвал крестьянина: — Что ты наделал, добрый человек? Бузина да крапива и двух дней не протнут, уянут, зачахнут! Завалился твоей плетенью, и тебе лишняя морока — по новой забор ставить».

— Нет, господи, — ответил крестьянин. — Ошибки тут никакой нет. Жить-то мне всего день осталось. Зачем понапрасну мучаться: глину месить, камни таскать. Не мой век и бузины хвайт».

Джавахдзе, — рассказывает Мосе Самадзашвили, приглашая меня войти во двор храма Богородицы. — Было это в 1978 году, в конце марта. Знать пришли Ван Циклару, Алексю Джавахдзе... Не исступались они ни снега, ни неистая, ни бездорожья. Пришли дружки в эту хорошо сохранившуюся церковь, расстелили на полу постель и... в ту ночь, конечно, им было не до сна!

Всегоми, читатель, как в первой половине восемнадцатого века именно в этой церкви нашел приют первый поселенец разоренного Черми Гого Абесадзе.

Горец вернулся в горы...

Первый караван переселенцев поднялся в Черми в сопровождении Шоты Эцадзашвили и Мосе Самадзашвили. На подступах к селению горец охватил сильное волнение. Вот разбитая старая мельница. Замшелый обломок жернова торчит из-под земли. Потом среди деревьев мелькнули белые развалины сельской школы. А вот и поляны, где некогда ржанные скомоходы велись гости. Женщины тихо заплакали, а мужчины, сурово сомкнув побелевшие губы, старались не глядеть по сторонам. Горцу не подобало проявлять своих чувств, особенно на людях. Но у кладбища и они не выдержали: упали на колени перед почерневшими плитами и могильными холмиками, поросшими бурьяном. Мосе Самадзашвили сказал мне: «Я видел это, и не дей бог увидеть такое еще раз». Они не плакали, не стонали, не причитали, а спокойно, с просветленными лицами разговаривали со своими мертвыми так, как говорят обычно с живыми. Только один старик все время прятал глаза, стараясь скрыть слезы...

Тридцать одну семью приютил в тот день храм Богородицы. Первое учредительное собрание колхоза также состоялось здесь 31 марта. На собрании присутствовали Шота Эцадзашвили, члены бюро райкома. Никто не говорил громких слов, никто не расписался в своей любви к земле Черми, никто не произносил благодарственных речей, понимая, что все тридцать три буквы грузинского алфавита бессильны сложить слово для выражения радости этого часа. И тогда один пожилой горец поднял руку. «Что тебе, Никола?» — спросил председатель собрания. — «Притчу хочу рассказать...».

И рассказал.

«Один крестьянин нарезал в поле бузины да крапивы и давал плетены из них городцы. Навесил калитку из бузиновых веток и ходит себе доволный, работой своей любителю. Довелось в то время господу богу мимо пройтись. Увидел он плетень, нахмурил брови и позвал крестьянина: — Что ты наделал, добрый человек? Бузина да крапива и двух дней не протнут, уянут, зачахнут! Завалился твоей плетенью, и тебе лишняя морока — по новой забор ставить».

— Нет, господи, — ответил крестьянин. — Ошибки тут никакой нет. Жить-то мне всего день осталось. Зачем понапрасну мучаться: глину месить, камни таскать. Не мой век и бузины хвайт».

Джавахдзе, — рассказывает Мосе Самадзашвили, приглашая меня войти во двор храма Богородицы. — Было это в 1978 году, в конце марта. Знать пришли Ван Циклару, Алексю Джавахдзе... Не исступались они ни снега, ни неистая, ни бездорожья. Пришли дружки в эту хорошо сохранившуюся церковь, расстелили на полу постель и... в ту ночь, конечно, им было не до сна!

Всегоми, читатель, как в первой половине восемнадцатого века именно в этой церкви нашел приют первый поселенец разоренного Черми Гого Абесадзе.

Горец вернулся в горы...

Первый караван переселенцев поднялся в Черми в сопровождении Шоты Эцадзашвили и Мосе Самадзашвили. На подступах к селению горец охватил сильное волнение. Вот разбитая старая мельница. Замшелый обломок жернова торчит из-под земли. Потом среди деревьев мелькнули белые развалины сельской школы. А вот и поляны, где некогда ржанные скомоходы велись гости. Женщины тихо заплакали, а мужчины, сурово сомкнув побелевшие губы, старались не глядеть по сторонам. Горцу не подобало проявлять своих чувств, особенно на людях. Но у кладбища и они не выдержали: упали на колени перед почерневшими плитами и могильными холмиками, поросшими бурьяном. Мосе Самадзашвили сказал мне: «Я видел это, и не дей бог увидеть такое еще раз». Они не плакали, не стонали, не причитали, а спокойно, с просветленными лицами разговаривали со своими мертвыми так, как говорят обычно с живыми. Только один старик все время прятал глаза, стараясь скрыть слезы...

Тридцать одну семью приютил в тот день храм Богородицы. Первое учредительное собрание колхоза также состоялось здесь 31 марта. На собрании присутствовали Шота Эцадзашвили, члены бюро райкома. Никто не говорил громких слов, никто не расписался в своей любви к земле Черми, никто не произносил благодарственных речей, понимая, что все тридцать три буквы грузинского алфавита бессильны сложить слово для выражения радости этого часа. И тогда один пожилой горец поднял руку. «Что тебе, Никола?» — спросил председатель собрания. — «Притчу хочу рассказать...».

И рассказал.

«Один крестьянин нарезал в поле бузины да крапивы и давал плетены из них городцы. Навесил калитку из бузиновых веток и ходит себе доволный, работой своей любителю. Довелось в то время господу богу мимо пройтись. Увидел он плетень, нахмурил брови и позвал крестьянина: — Что ты наделал, добрый человек? Бузина да крапива и двух дней не протнут, уянут, зачахнут! Завалился твоей плетенью, и тебе лишняя морока — по новой забор ставить».

— Нет, господи, — ответил крестьянин. — Ошибки тут никакой нет. Жить-то мне всего день осталось. Зачем понапрасну мучаться: глину месить, камни таскать. Не мой век и бузины хвайт».

Джавахдзе, — рассказывает Мосе Самадзашвили, приглашая меня войти во двор храма Богородицы. — Было это в 1978 году, в конце марта. Знать пришли Ван Циклару, Алексю Джавахдзе... Не исступались они ни снега, ни неистая, ни бездорожья. Пришли дружки в эту хорошо сохранившуюся церковь, расстелили на полу постель и... в ту ночь, конечно, им было не до сна!

Всегоми, читатель, как в первой половине восемнадцатого века именно в этой церкви нашел приют первый поселенец разоренного Черми Гого Абесадзе.

Горец вернулся в горы...

Первый караван переселенцев поднялся в Черми в сопровождении Шоты Эцадзашвили и Мосе Самадзашвили. На подступах к селению горец охватил сильное волнение. Вот разбитая старая мельница. Замшелый обломок жернова торчит из-под земли. Потом среди деревьев мелькнули белые развалины сельской школы. А вот и поляны, где некогда ржанные скомоходы велись гости. Женщины тихо заплакали, а мужчины, сурово сомкнув побелевшие губы, старались не глядеть по сторонам. Горцу не подобало проявлять своих чувств, особенно на людях. Но у кладбища и они не выдержали